

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В РОССИИ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРАГМАТИЗМ ПАТРИАРХА ФИЛАРЕТА В КОНТЕКСТЕ «СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ» 1620 Г. И ТРЕБНИКА МОСКОВСКОГО ПЕЧАТНОГО ДВОРА 1624 Г.

П.П. Осюшкин

Междисциплинарный научный центр историко-психологических исследований
Кубанский государственный университет
Ставропольская, 149, Краснодар, Россия, 350040

В статье показано, что в контексте общественно-политических, юридических и социокультурных практик 1620—1630-х гг. два документа, посвященные частному богословскому сюжету (изменению правил принятия в православие лиц иного вероисповедания), дают информацию о политическом прагматизме патриарха Филарета, их инициатора или автора.

Влияние патриарха Филарета на государственное управление России 1620—1630-х гг. столь значительно, что практически нет ни одной работы по отечественной истории первой трети XVII в., где бы исследователи не обращались к тому или иному аспекту его деятельности. Чаще всего изучают роль Филарета в укреплении позиций новой династии (1), в событиях, именуемых Смутой (2), в контексте взаимоотношений церкви и государственной власти накануне Раскола (3). Черты его личности также интересуют исследователей (4), однако их реконструкция встречает целый ряд трудностей.

В настоящей работе личность патриарха рассматривается в связи с его участием в появлении Требников Московского Печатного двора 20—30-х гг. XVII в. и общественно-политических, юридических и богословских произведений, включенных в их состав. Объектом статьи является такое свойство личности патриарха, как политический прагматизм.

Черты личности Филарета приходится реконструировать преимущественно по косвенным признакам. Современники патриарха практически не оставили описаний его биографии. Сведения о детстве и молодости Ф.Н. Романова крайне фрагментарны, неизвестен даже точный год его рождения. Будущий патриарх появился в источниках своего времени только в качестве зрелого мужа, который возглавил боярский клан Захарьиных-Юрьевых после смерти Никиты Романовича. С 1613 г. фигура «польского пленника» рассматривалась в отечественной пуб-

лицистике исключительно в контексте его родства с правящим монархом, любые сведения о Ф.Н. Романове попадали под действие закона о чести государевой, то есть проходили строгую цензуру. После возвращения в 1619 г. Филарет стал соправителем государя и цензором собственной биографии. Надеяться найти ее развернутые подробности не приходится, да и норма биографических повествований XVII в. была далека от запросов современных исторических исследований.

Ко времени появления московских печатных Требников патриарх Филарет был уже старцем с жизненным опытом, устоявшимися представлениями и устойчивыми личностными характеристиками.

Требники являются разновидностью богослужебных книг, одним из подвигов Евхологиев (молитвенников) (5). Первый Требник Московского Печатного двора, связанный с деятельностью Филарета, вышел в свет 25 ноября 1623 г. Два следующих Требника были изданы с небольшим интервалом 19 декабря 1624 г. и 8 мая 1625 г. Затем наступил восьмилетний перерыв. Четвертый Требник был напечатан незадолго до смерти патриарха Филарета 29 июня 1633 г. Соотношение редакций Требников 1620—1630-х гг. представляет собой отдельный сюжет. Подчеркнем лишь особое положение Требника 1624 г. как второй редакции Требников, выпущенных при Филарете. В редакцию 1624 г. включены чины, последования, документы и произведения, отсутствующие в других Требниках, изданных при жизни патриарха (6). Тетради, из которых состоит Требник второй редакции, различаются между собой по пагинации и оформлению. Это позволяет предположить экстренность комплектования содержания второй редакции. Скорее всего, она отвечала каким-то частным задачам, поскольку для целей богослужения потребовалась новая редакция, которая и появилась всего через четыре месяца. Именно Требник 1624 г. в силу своего особого положения больше других интересен для данного сюжета.

Как и другим богослужебным книгам, требникам свойственен консерватизм. Они были менее политизированными по сравнению с иными идеологическими и публицистическими произведениями того времени, тем не менее, имели очевидную связь с государственным заказом. Так, И.В. Поздеева пишет, что политический подтекст, направленный на обоснование законности (природности в терминологии XVII в.) новой династии, особенно заметен в послесловиях и предисловиях старопечатных книг 1620—1630-х гг. Среди них автор называет и требники (7).

С патриархом Филаретом и его ближайшим окружением ученые связывают создание не только богослужебных произведений. Историки часто говорят о причастности патриарха (в качестве автора, соавтора или заказчика) к политическим и идеологическим произведениям первой трети XVII в., таким, например, как «Новый летописец» (8). Б.А. Успенский прямо называет патриарха также автором текста «Соборного уложения святейшего Кир Филарета», опубликованного в Требнике 1624 г. (9). В данном случае информативно даже не авторство само по себе, а тот факт, что патриархия являлась основным заказчиком и куратором издания Требников Московского Печатного двора.

«Соборное уложение святейшего Кир Филарета патриарха Московского и всея Руси, и сущих с ним святого собора святительского, как и которых от ересей приходящих крестить» является публикацией решений церковного собора 1620 г. При жизни патриарха Филарета оно было издано в Требнике 1624 г. В оглавлении к нему данное произведение и названо «Соборным уложением святейшего Кир Филарета...». В заглавии уложения в тексте Требника 1624 г. его название звучит иначе — «От божественных писаний и от святых правил собрание великого господина смиренного Филарета, патриарха царствующего града Москвы и всея Руси, и сошедшихся к нему митрополитов и архиепископов и епископов Макария митрополита Новгородского, Варлаама митрополита Ростовского, Корнилия архиепископа Вологодского, Арсения архиепископа Суздальского, Пафнутия архиепископа Тверского, Рафаила епископа Коломенского о крещении латин и об их ересях» (10). В верхнем колонтитуле текста Требника 1624 г. данное уложение именуется «Соборным изложением» (11). В дальнейшем будем именовать это произведение «Соборным уложением святейшего Кир Филарета».

«Соборное уложение святейшего Кир Филарета» регламентировало формы приема в православную веру лиц, приходящих из иных религий и конфессий. В 1639 г. это произведение было вновь переиздано при патриархе Иосафе в Мирском и Иноческом Требниках Московского Печатного двора. Поскольку в этих Требниках оно оказалось в совсем ином догматическом и политическом контекстах, рассматривать их пока не будем.

«Соборное уложение» выделено в Требнике 1624 г. в 70-ю главу. Оно является произведением с отдельной от остального Требника пагинацией листов. Из 734-х листов Требника 1624 г. на «Соборное уложение святейшего Кир Филарета» приходится всего 40. Однако следующие за ним десять глав (главы с 71-й по 81-ю) содержат чины и молитвы, касающиеся случаев, предписанных «Соборным уложением Кир Филарета». Это, прежде всего, глава 71, озаглавленная «Чин и устав, как достоин принимать от латинян или от иных ересей приходящих к святой соборной и апостольской церкви, к нашей непорочной христианской православной вере, и хотящих истинным святым крещением креститься, и как того первое сотворить оглашенным, и имя наречь, и отречение ереси латинской». В той же главе помещаются последования святого крещения и омовения святого мирра. Затем отдельными главами выделены проклятия сарацинской, жидовской и армянской ересей. Далее следуют чины и уставы для лиц, приходящих от отвержения к вере. Все эти десять глав имеют сквозную нумерацию и занимают еще 75 листов. Таким образом, на «Соборное уложение Кир Филарета» и связанные с ним чины и уставы в Требнике 1624 г. приходится 115 листов, то есть почти 16% его объема.

«Соборное уложение святейшего Кир Филарета» начинается с изложения сути вопроса. Повествование ведется от первого лица («смиренного Филарета патриарха царствующего града Москвы») (12). Патриарх сообщает, что во второй год его пастырского служения два священника Иван и Евфимий из церкви Рождества Богородицы в Столешниках рассказали ему о митрополите Сарском

и Подонском Ионе, который не велел им крестить «ляхов» Яна Слободского да Матвея Светицкого, пожелавших принять православие. Священники предъявили Филарету хартию, выписанную для них по митрополичьему указу из известного «Вопрошания Кирикова Новгородскому епископу Нифонту». Там говорилось, что для принятия латинян в православие достаточно миропомазания. Филарет устроил митрополиту Ионе очную ставку с участием Ивана и Евфимия, в ее ходе они повторили свое обвинение в том виде, как прежде сказывали патриарху.

Дальнейшая история широко известна по публикациям церковных авторов, прежде всего митрополита Макария Булгакова (13), который цитирует ее прямо по тексту «Сборного уложения святейшего Кир Филарета». Суть истории сводится к тому, что патриарх начал объяснять Ионе правила святых апостолов и святых отцов, которые говорили, что еретическое крещение не есть крещение, но более осквернение, ссылаясь на 46-е и 50-е правила апостольские и на 19-е послание Первого Вселенского Собора. Затем Филарет напомнил митрополиту Ионе о патриархе Игнатии, который, угождая «еретиком латинской веры», ввел еретичку Марину в Успенский собор, не крестив ее совершенным крещением, а лишь миропомазав. Потом обвенчал ее с расстригой и удостоил обоих святого причащения. Филарет особо отметил, что за это деяние патриарх Игнатий был извержен иерархами Русской Церкви из сана. Напомнил Филарет Ионе и о патриархе Гермогене, который настоятельно требовал, чтобы королевич польский Владислав, избранный на государство Московское, был крещен по православному обычаю, и даже составил записку, выбранную из правил святых апостолов и отцов, о необходимости крестить еретиков при обращении их в православие. Сказал также, что и сам он, Филарет, по приказанию Гермогена, старался тогда изучить правила святых апостолов и отцов и пришел к убеждению, что все еретики различных еретических вер не имеют истинного крещения и потому от всех еретических вер приходящих к православию должно вновь крестить совершенным крещением.

В тексте «Сборного уложения» подчеркивается, что в ходе изучения апостольских правил патриарх Филарет пришел к выводу, что «латиняне-папезники сквернейшие и лютейшие из всех еретиков, ибо они приняли в свой закон проклятые ереси всех древних еллинских, жидовских, агарянских и еретических вер...» (14). В заключение патриарх запретил митрополиту Ионе «по правилам святым служить литургию до большого Собора».

Собор состоялся 16 октября 1620 г. Патриарх Филарет опроверг 95-е правило VI Вселенского Собора, на которое ссылался Иона. Это правило повелевало одних еретиков (ариан, македониан, новациан) присоединять к православию через миропомазание, а других (павлиан, евномиан, монтанистов, манихеев, валентиниан, маркионитов) — через крещение. Иона относил латинян к еретикам первого рода, патриарх же считал, что латинян следует относить к еретикам последнего рода, потому что «в латынских ересех все те ереси есть суть». Что касалось второго аргумента митрополита Ионы, цитировавшего «Вопрошание Кириково», то Филарет отметил, что «такого указа» нет нигде, ни в правилах апос-

тольских, ни в правилах Соборов, Вселенских и Поместных, и святых отцов. Далее патриарх Филарет приказал читать на Соборе обширную записку или «собрание» из правил святых апостолов, святых Соборов, Вселенских и Поместных, и святых отцов, которое составил патриарх Гермоген и дополнил сам он, Филарет, в доказательство необходимости крестить латинян при обращении их в православие.

После окончания чтения записки митрополит Иона в конце концов покаялся пред великим Собором, и бил ему челом много, и прощения просил, сознаваясь, что понимал так 95-е правило VI Вселенского Собора «простотою, а не умыслом». Патриарх снял с него духовное запрещение и благословил его по-прежнему совершать литургию. Решение Собора под именем «Соборного изложения» было подписано всеми присутствовавшими святителями, в том числе и Ионою, в доме Пречистой Богородицы 4 декабря 1620 г.

Спустя двенадцать дней после подписания «Соборного изложения» о способе принятия латинян-поляков и других в православную Церковь патриарх Филарет вновь созвал Собор, чтобы решить, как принимать «самых белорусцев, приходящих от Польского и от Литовского государства в православную веру нашу греческого закона, в державу Московского государства и хотящих быть с нами вкупе христианами» (15). Рассуждая по этому поводу, патриарх опирался на опыт своего пребывания в Речи Посполитой и отмечал, что он сам видел многие церковные несогласия у самих христиан, которые «называются там белорусцами». Патриарх подробно изложил свои наблюдения, подчеркнув, что многие из тех, кто именует себя православными, не соблюдают правил и преданий святых апостолов, святых Соборов и святых отцов. В одном доме у них три или четыре веры. Многие из них молятся и за изверженного папу во время литургии, на ектеньях и литиях и называются униатами, потому что приняли унию, или соединение, с «папешниками». Только немногие «терпят беды и напасти ради нашей христианской веры и пребывают непреклонными в папино учение».

Суть решений церковного собора относительно этой категории населения сводится к серии процедур дополнительной проверки ортодоксальности. В случаях выявления отличий от церковной практики Московского государства православные из Речи Посполитой подвергались перекрещиванию. Если выяснялась их причастность к католикам, униатам или протестантам, им предлагалось проклинать латинскую или иную ересь и читать в предписанных собором случаях младенческое отречение от ересей. Даже доказавшие свою ортодоксальность «белорусцы» допускались к причастию после недельного поста, исповеди и архиерейского благословения. Получается, что итогом внедрения решений Собора 1620 г. становилась практика предписанного доносительства архиерею на выходцев из Речи Посполитой. Требник 1624 г. растиражировал эту практику и через решение Собора превратил ее фактически в многоступенчатую проверку на лояльность. «Соборное изложение» о «белорусцах» было подписано патриархом и прочими святителями 16 декабря 1620 г. В редакции 1624 г. оба текста были объединены в «Соборное уложение святейшего Кир Филарета».

В «Соборном уложении святейшего Кир Филарета» рассматриваются, казалось бы, частные догматические тонкости толкования правил Вселенских соборов, которые касаются приема в православную веру приходящих от «ересей». Несмотря на кажущуюся частность, вопрос о приеме в православие лиц иного исповедания воспринимался московским обществом 20—30-х гг. XVII в. достаточно болезненно, так как выходил далеко за рамки церковной юрисдикции. Особенно чувствительной эта тема была для посадского населения. Болезненное восприятие иноверцев объяснялось не только последствиями Смутного времени, когда подданные Московского государства терпели насилие от польских и литовских «людей», но и значительной экономической и служебной конкуренцией со стороны иноверцев.

Посадское население большинства русских городов столкнулось с иностранцами как с массовым явлением только во второй половине XVI в. Не случайно большинство описаний Московского государства иностранными авторами (Джилль Флетчер, Джером Горсей, Адам Олеарий, Жак Маржерет, Конрад Буссов и др.) появляется именно в конце XVI — первой половине XVII вв. (16).

После Смутного времени потребность Московского государства в квалифицированных иностранных специалистах возрастает. Об этом свидетельствуют последние исследования положения иностранцев в Московском государстве, проведенные Т.А. Опариной и С.П. Орленко (17). На материалах Российского государственного архива древних актов авторы убедительно доказывают, что уже в царствование Михаила Федоровича московское правительство было заинтересовано в присутствии значительного количества иностранцев (18).

В 20—30-х гг. XVII в. взаимоотношения иностранцев (иноверцев) с Русской православной церковью являлись определяющим фактором их правового статуса. Не случайно, кроме «Соборного уложения святейшего Кир Филарета», регламентирующего догматическую сторону вопроса, Московское правительство издало специальные указы 1627 и 1652 гг. против «некрещеных иноземцев» (19). Появление этих указов позволяет трактовать более раннее «Соборное уложение святейшего Кир Филарета» как своеобразную рефлексию церковных и правительственных кругов на острую социальную и политическую напряженность между иноверцами и москвитями. Вероятно, решения церковного собора 1620 г., напечатанные в «Соборном уложении святейшего Кир Филарета», стали своеобразной магистральной линией в эволюции правительственной политики по отношению к «некрещеным иноземцам» на протяжении 20-х гг. XVII в. в сторону ее ужесточения. Это предположение косвенно подтверждается тем, что указ 1627 г. является извлечением (памятью) другого правительственного указа, обнародованного еще в 1622 г. Указ 1622 г. подтверждал права иноверных господ владеть православными холопами, но запрещал им совместное проживание. Он создавал дистанцию, исключавшую непосредственное соприкосновение, усвоение или навязывание холопам иных, помимо православного, вероисповеданий. Указ (память) 1627 г. вообще запрещал иноверным и инославным хозяевам владеть православными холопами (20). Логично предположить, что жесткость указов 1622 и 1627 гг. была связана именно с деятельностью патриарха Филарета. Зависи-

мость государственных законодательных актов о «некрещеных иноземцах» от решений Собора 1620 г. и «Соборного уложения святейшего Кир Филарета» может подтверждать и совпадение основного юридического термина указов 1622 и 1627 гг. с тематикой таинства православного крещения.

Т.А. Опарина и С.П. Орленко обосновывают тезис о том, что принятие веры означало в те времена изменение этнической принадлежности. Понятия «русский» и «православный» выделялись, по мнению авторов, составителям указа 1622 г. и извлечений из него (1627 г.) абсолютно тождественными. Исследователи подчеркивают, что «конфессиональный фактор доминировал над этническим» (21). Возможно, менталитет XVII в. вообще не воспринимал этнический фактор как значимый. Еще А.С. Лаппо-Данилевский подчеркивал, что русское население через «православно-исповедную точку зрения» воспринимало любых носителей западной культуры (22).

Пристальное внимание московского церковного и правительственного аппарата к конфессиональной принадлежности собственных подданных и иноземцев не являлось чем-то уникальным. Оно согласовывалось с нормами европейского права периода реформации и контрреформации XVI—XVII вв. Да и сами иностранцы были весьма внимательны к своей конфессиональной принадлежности. Примечательна характеристика Конрада Буссова, данная им в V главе «Московской хроники» своим соплеменникам, переменившим веру. Он именовал их дурными, бессовестными немцами, которые, «заслужив виселицу и четвертование в Лифляндии и Германии, тут, в России, переменили веру, стали мамелюками и христородавцами и поэтому были скорее русскими» (23).

Как видим, проблема изменения веры и для россиян, и для иноземцев была не только собственно конфессиональной. Она имела непосредственный выход в юридическую сферу — регулирование имущественных отношений, государственной службы и даже престолонаследия. В контексте темы престолонаследия можно вспомнить отказ от православного крещения польского королевича Владислава. Ведь именно после этого московская сторона сочла себя свободной от присяги, данной ему в 1610 г.

В связи с затронутым сюжетом важно отметить гражданское содержание проблемы конфессиональной принадлежности во времена патриарха Филарета. Православное исповедание воспринималось Московским правительством как один из главных признаков подданства. Не случайно все православные за пределами Московского государства пользовались тайной или гласной государственной поддержкой. Вероятно, иноземцы, приходящие на постоянную службу и жительство к Государю Московскому, получали юридическое полноправие только после принятия православной веры. Пребывание на службе и в государстве остальных иностранцев обеими сторонами рассматривалось как временное вынужденное явление. Причем речь шла не только о юридическом полноправии, а и о неполноправии, связанном с понятием подданства. Любопытные свидетельства данного неполноправия привел С.М. Соловьев. Он процитировал царскую грамоту о шведах, приехавших в Новгород учиться русскому языку. Царская грамота разъясняла воеводе официальную позицию в следующих сло-

вах: «Таких иноземцев принимать и велеть их учить русской грамоте на посаде церковным дьячкам; а в церковь некрещеных немцев не пускать. А кто из немцев захочет креститься в нашу православную веру, таких крестить, а как крестить, то их в свою землю не отпускать (и сказать им еще до крещения, что им отпуску с нашей стороны не будет)» (24). Таким образом, принявшие православие иноземцы становились автоматически подданными московского государства, которым, как и русским подданным, не дозволялось без специального разрешения покидать государственные пределы (25).

Стремление русских к обращению иностранцев в православную веру и к тому, чтобы их навсегда задержать в Московском государстве, подтверждают свидетельства многих иноземцев (26). Об этом в конце XVII в. писал, например, Иржи Давид в своих записках о «Современном состоянии великой России или Московии» (27).

То, что при Филарете в 20-х гг. XVII в. появляются церковные и светские нормативные акты, регламентирующие правовые отношения между некрещеными иноземцами и православными подданными Московского государя, свидетельствует о более полном оформлении юридической стороны государственного и административного управления. Появление «Соборного уложения святейшего Кир Филарета» в Требнике 1624 г. должно было способствовать распространению норм новой практики в отношении иностранцев. Попытка письменной регламентации подданства (средневекового понятия) в правительственной политике 20-х гг. XVII в. вполне согласуется с общеевропейским правовым становлением понимания гражданства (понятия Нового времени).

Тематика «крещения иноземцев» в 1620—1630-х гг. затрагивала и важнейший внешнеполитический вопрос легитимации правящей династии. В церковной историографии принято подчеркивать богословскую несостоятельность патриарха Филарета (28). Ведь до сих пор в РПЦ принято принимать католиков в православие через миропомазание, без повторного крещения. Представляется, что корни непримиримого отношения Филарета к вопросу о принятии католиков именно через крещение надо искать в контексте ситуации с престолонаследием, а не в якобы недостаточном уровне богословского образования Филарета. Действительно, польское правительство упорно продолжало именовать Владислава Московским царем, в Варшаве функционировал бутафорский московский двор. Более того, поляки пытались создать не только параллельные структуры светской власти. У них в руках находился юридически законный московский патриарх Игнатий, а также лояльная украинская униатская митрополия. Не случайно «извержению» Игнатия патриарх Филарет уделяет особое место. Он связывал низвержение Игнатия с его якобы каноническим проступком — причастием для Марины Мнишек без проведения для нее таинства святого крещения (29). Политическое стремление связать дело патриарха Игнатия с темой принятия католички Марины в православие через миропомазание, а не через крещение заставило Филарета *конструировать* исторические события. Его не смутило присутствие на церковном соборе 1620 г. Арсения Елассонского (Суздаль-

ского), некогда вместе с Филаретом участвовавшего в коронации Марины. По утверждению Арсения, Лжедмитрий и Марина после миропомазания отказались причаститься в день своего бракосочетания, что явилось для патриарха Игнатия полной неожиданностью. Сопоставляя свидетельства Филарета и Арсения относительно коронации Марины, Б.А. Успенский приходит к выводу, что в тексте «Соборного уложения» Филарет сознательно создал другую картину тех событий (30).

В отличие от католиков, только коронуемых монархов через миропомазание, православные завершают миропомазанием и крещение, и чин венчания на царство. Патриарх Игнатий, признав католическое крещение, фактически в один прием через миропомазание принимал Марину в православие и венчал ее на царство. Причастие же завершает чин приема в православие. В концепции Филарета, изложенной им в тексте «Соборного уложения святейшего Кир Филарета», отказ от одного таинства (крещения) автоматически осквернял другое таинство — причастие! Но Марина и не причастилась, а Игнатию вменяется в грех как раз то таинство причастия, которое он не совершал. Таким образом, политический оппонент Филарета, низложенный патриарх Игнатий, из человека, возведшего по обману самозванца на русский престол католичку, отказавшуюся от причастия, превращался в осквернителя причастия, поругателя догматов православной веры, возведшего на русский престол неправильно принятую, но в принципе православную царицу. В этом случае одновременно сохранялся и престиж царского престола, и обосновывался более актуальный для правящей династии отказ от договора москвичей с Владиславом, не принявшим православного крещения. Кроме того, понижался авторитет митрополита Ионы, заменявшего патриарха значительное время. Такая тонкая богословская логика не может принадлежать человеку без богословской грамотности, не владеющему культурой политической интриги. Напротив, она свидетельствует о знакомстве патриарха Филарета не только с православной, но и с католической традицией миропомазания, с богословскими трудами отцов церкви и решениями Вселенских соборов, и характеризует патриарха в качестве опытного политика, который умело выстроил политическую интригу и при помощи догматических доводов выиграл спор о московском престоле.

Спор между Ионой и Филаретом относительно чинов приема католиков в православную веру имеет богословскую форму, но менее всего относится к богословию. Цель «Соборного уложения святейшего Кир Филарета» — доказать подданным Московского государства, что католицизм вобрал в себя все древние ереси. Так как королевич Владислав не принял истинного православного крещения, он, по мысли Филарета, остался оскверненным еретиком, служба которому православному христианину должна казаться делом не только политически неблагонадежным, но и греховным. Соответственно, в силу отказа от истинного крещения Владислав юридически терял законные права на Московский престол. Вероятно, патриарх пытался представить через призму, казалось бы, частного богословского вопроса официальную концепцию истории всего Смутного времени, изображая ее заслуженной карой за повреждение чистоты православной веры.

Трактовка Смутного времени через публикацию «Соборного уложения святейшего Кир Филарета» в Требнике 1624 г. позволяет подчеркнуть существенную особенность личности патриарха, которую можно охарактеризовать как политический прагматизм. Филарет после Смутного времени был восприимчив к новым нормам европейской культуры, особенно к методам ведения политической игры. Однако, обращаясь к массовому сознанию православных верующих, он активно использовал устойчивые стереотипы средневекового политического сознания. Текст «Соборного уложения святейшего Кир Филарета» доказывает, что Филарет охотно прибегал к социальному конструированию, по ситуации изменяя исторические реалии и заменяя их письменным текстом.

В «Соборном уложении святейшего Кир Филарета» патриарх предстает в полной мере как личность Нового времени, человек строгой православной культуры, уже утративший связь с религиозным средневековым мистицизмом в мироощущении. Православие для патриарха стало общественным законом Московского государства. Законом предков, который надлежит хранить, но законом не статичным, а требующим внесения поправок, если они нужны современной ситуации и диктуются политической необходимостью. Вероятно, именно прагматическим стремлением исправить, улучшить данный закон объясняется чуткое внимание патриарха к книгопечатанию и исправлению богослужебной литературы. Во всяком случае, таким человеком-прагматиком предстает патриарх в «Соборном уложении святейшего Кир Филарета» и Требниках 1620—1630-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. — СПб., 1997; Его же. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. — М., 1937; Его же. Московское правительство при первых Романовых. — СПб., 1906.
- (2) *Готье Ю.В.* Избрание на царство Михаила Федоровича Романова // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. — М., 1913; *Кизеветтер А.А.* Избрание на царство Михаила Федоровича Романова // Голос минувшего. — 1913. — № 3. — С. 231—236; *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. — М., 1994.
- (3) *Каптерев Н.Ф.* Царь и церковные московские соборы XVI и XVII столетий. — Сергиев Посад, 1906; Его же. Светские архиерейские чиновники в Древней Руси. — М., 1977; *Маландин В.В.* Церковь и государство в патриаршество Филарета: Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1996. — С. 170.
- (4) *Некрасов С.М.* Предки царя Михаила Федоровича Романова. — Тверь, 1913. — С. 195—196; *Скрынников Р.Г.* Святители и власть. — Л., 1990. — С. 148; *Вовина В.Г.* Патриарх Филарет // Вопросы истории. — 1991. — № 7. — С. 53—74; *Люткина Е.Ю.* Патриарх Филарет как личность и государственный деятель // Человек и его время. — М., 1991. — С. 10—11; *Морозова Л.Е.* История России в лицах. Первая половина XVII в. — М., 2000; *Зверев С.П.* Патриарх Филарет (Романов): личность, государственная и церковная деятельность: Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 2005. — С. 140—142.
- (5) Название произошло от греческого слова εὐχολή — молитва: Христианство. Энциклопедический словарь. — М., 1993. — Т. 1. — С. 524.
- (6) *Осюшкин П.П.* Отражение процессов модернизации Московского государства в редакциях вопросов Чина исповеди Требников Московского Печатного Двора 20—30-х гг.

- XVII в. // Психологические свойства современного исторического знания. — Краснодар, 2003. — С. 171—185.
- (7) Поздеева И.В. Первые Романовы и царистская идея (XVII в.) // Вопросы истории. — 1996. — № 1. — С. 41—52.
- (8) Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец. История текста. — СПб.: Дмитрий Булавин, 2004. — С. 250; Флоря Б.Н., Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец. История текста. Рецензия // Отечественная история. — 2006. — № 4. — С. 174—176.
- (9) Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (византийская модель и ее русское переосмысление). — М., 1998. — С. 198.
- (10) Соборное уложение святейшего Кир Филарета // Требник. — М., 1624. — Л. 1.
- (11) Там же. — Л. 2.
- (12) Там же.
- (13) Макарий (Булгаков). История Русской Церкви в период ее самостоятельности (1589—1881): В кн. 6. Патриаршество в России (1589—1720).
- (14) Соборное уложение святейшего Кир Филарета. — Л. 3 об.— 4.
- (15) Там же. — Л. 36 об. — 40 об.
- (16) Флетчер Д. О государстве русском. — СПб., 1906; Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. — Л., 1986; Хроники смутного времени. События начала XVII в. глазами русских и иностранцев. Буссон К., Елассонский А., Геркман Э. — М., 1998; и др.
- (17) Орленко С.П. Правовой статус выходцев из Западной Европы в России XVII века // Вопросы истории. — 2000. — № 6. — С. 137—141; Ее же. Выходцы из Западной Европы и русские горожане в XVII веке. (По неопубликованным источникам РГАДА) // Славяноведение. — 2002. — № 2. — С. 69—81; Опарина Т.А., Орленко С.П. Указы 1627 и 1652 против «некрещеных иноземцев» // Отечественная история. — 2005. — № 1. — С. 22—39.
- (18) Там же.
- (19) Опарина Т.А., Орленко С.П. Указы 1627 и 1652 против «некрещеных иноземцев». — С. 22—39.
- (20) Там же. — С. 26—27.
- (21) Там же. — С. 23.
- (22) Лапто-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв. — М., 1990. — С. 17—25.
- (23) Хроники Смутного времени // Конрад Буссов. Арсений Елассонский. Элиас Геркман. Новый летописец. — М., 1998. — С. 67.
- (24) Соловьев С.М. Соч.: В 18 кн. Кн. V. — М., 1990. — С. 125.
- (25) Несложно представить, какое изумление вызвало появление в Московском государстве в 1626 г. шведского посла Александра-Любима Дементьевича Рубцова, православного прихожанина русской церкви Московского патриархата, которому позволили посещать церковь и принять благословение от патриарха; Там же. — С. 126.
- (26) Пушкарев Л.Н. Освоение русского языка иностранцами в конце XVI—XVII вв. // Вопросы истории. — 2004. — № 6. — С. 121—128.
- (27) Давид И. Современное состояние великой России или Московии // Вопросы истории. — 1968. — № 4. — С. 138—147.
- (28) Данный взгляд преобладает в церковной историографии: Карташев А.В. История русской церкви: В 2-х т. — М., 2000. — Т. 2. — С. 138.
- (29) См.: Ранчин А. Харизма власти или Potestas Semioticae // Новое литературное обозрение. — 2000. — № 2. — С. 345—353.
- (30) Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (византийская модель и ее русское переосмысление). — С. 202.

**PATRIARCH PHILARET'S POLITICAL PRAGMATISM
IN THE CONTEXT OF «SOBORNOYE ULOZHENIYE»
OF 1620 AND «TREBNIK», PRINTED BY MOSKOVSKIY
PECHATNIY DVOR IN 1624**

P.P. Osiushkin

Center of Inter- & Cross-disciplinary Studies of Historical Psychology
Kuban State University
Stavropol'skaya str., 149, room 247, Krasnodar, Russia, 350040

In the 1620s Patriarch Philaret demanded to change rules how to adopt people of other believes in the Orthodoxy. In the context of social, loyal, political and cultural practices of the 1620—1630s two documents on this subject, joint in «Sobornoye ulozhenie» (1620) and printed in Book of Needs (Treb-nik) in 1624, give an information about Philaret's political pragmatism to historians.